

Марина Крамер

Ледяная ночь

Часть сборника
Новогодний детектив (сборник)

Марина Крамер

Ледяная ночь

*Текст предоставлен издательством «Эксмо»
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=249472
Новогодний детектив: Эксмо; Москва; 2009
ISBN 978-5-699-38489-1*

Аннотация

«Книга. Казалось бы – ну, что такого может быть в пачке скрепленных вместе листков в черно-белой обложке? Негатив-позитив... Кто есть кто – не разберешь даже, а сколько проблем, сколько грязи, сколько трупов. И опять, опять эта чертова страна, из которой я выдирался с кровью столько лет!...»

Марина Крамер

Ледяная ночь

«Книга. Казалось бы – ну, что такого может быть в пачке скрепленных вместе листков в черно-белой обложке? Негатив-позитив... Кто есть кто – не разберешь даже, а сколько проблем, сколько грязи, сколько трупов. И опять, опять эта чертова страна, из которой я выдирался с кровью столько лет!»

Черноволосый мужчина в дорогом костюме и черной рубашке с раздражением бросил на откинутый столик книгу и закрыл глаза, удобнее устроившись в самолетном кресле. Сидевший впереди него помощник осторожно выглянул из-за высокой спинки, убедился, что шеф задремал, и двумя пальцами забрал так раздражавшую того книгу. С виду обычная детективная мура – а вот поди ж ты, натворила дел.

– Черт бы тебя побрал, ну почему именно в мое дежурство?

Максим Нестеров, высоченный тридцативосьмилетний врач-травматолог больницы «Скорой помощи», спускался по лестнице в приемное отделение. Пять минут назад он получил вызов – «Скорая» привезла кого-то из ДТП, «дорожки», как здесь это называли. Дежурство тридцать первого декабря само по себе не подарок, а уж операция в такой день

– и вообще. Но Нестерова дома никто не ждал – жена Светлана вот уже два года как перешла в разряд «бывшей» и уехала в столицу, прихватив с собой трехлетнего сына Тимофея. Красавец и умница Нестеров был завидным женихом, однако всех потенциальных больничных невест держал на расстоянии вытянутой руки, боясь снова обжечься, как со Светкой.

– Максим Дмитриевич, в женский пропускник идите! – крикнула регистратор, и Нестеров, вздохнув, повернул налево.

На каталке лежала молодая рыжеволосая женщина. Обе ноги плотно упакованы в проволочные шины от бедер до стоп, прямо поверх узких темно-синих джинсов. Рядом на полу валялись высокие лаковые сапоги-ботфорты на низком каблуке, там же – короткая белая норковая курточка с капюшоном, вся в буро-коричневых пятнах. Голову пострадавшей украшала повязка, уже пропитавшаяся на лбу кровью. Веки плотно сомкнуты, аккуратный носик вымазан кровью, над правой бровью длинная ссадина.

– Сознания нет, пульс шестьдесят, давление сто на семьдесят. Закрытая черепно-мозговая травма, множественные переломы нижних конечностей, – забубнил рядом фельдшер со «Скорой». – Введено... – Но Нестеров уже не слушал, отдавал распоряжения сестре и двум санитарочкам.

Переломы оказались сложными, больше трех часов он буквально по осколкам собирал голени женщины и совершенно забыл о том, что праздник, что Новый год...

После обеда Нестеров сидел в ординаторской и курил, задумчиво глядя на экран телевизора, где уже вовсю пили шампанское и поздравляли друг друга известные юмористы. Максиму было не до смеха. Женщина, которую он оперировал, была ему хорошо знакома...

– Максим Дмитриевич, можно, я сумочку пострадавшей в сейф к вам уберу? А то там ценностей много, а впереди десять дней праздников, – в дверях показалась кудрявая головка медсестры Арины.

– Что? – очнулся от своих мыслей Нестеров. – Сумочку? Да, конечно, давай, я сам уберу.

Арина плюхнула на стол перед травматологом не изящную дамскую сумочку, как следовало из ее вопроса, а скорее подобие рюкзака с логотипом «Prada». Ушла.

«Да уж... Машка всегда любила такие сумки», – печально улыбнулся Максим, машинально заглядывая внутрь. Так и есть – здесь нельзя было найти разве что пару малышей, а так все – от кошелька до небольшой фляжки в кожаной оплетке.

– Ты смотри-ка... Мария пить не бросила, похоже. Неужели пьяная за руль уселась? – отвинтив крышку и учуяв запах коньяка, вслух пробормотал Нестеров и набрал номер лаборатории.

Однако пациентка оказалась трезвой, и Нестерову почему-то стало легче. Много лет назад он безумно любил эту женщину, любил так, что готов был на любые глупости, но потерял. Максим до сих пор чувствовал свою вину за про-

изошедшее. Вздохнув, он начал застегивать сумку, чтобы убрать в сейф, и тут его внимание привлек потрепанный блокнот в светло-бежевой обложке. Повинуясь внезапному порыву, Нестеров вытащил блокнот и наугад раскрыл его. Клетчатые листки исписаны крупным, неровным почерком – она всегда писала небрежно, но понятно. Максим опустился на диван и погрузился в чтение.

«Каждое утро вместо зарядки я вскидываю вверх средний палец. Да, вот такая странная привычка образовалась совсем недавно. Я думаю о том, что происходит сейчас в моей жизни, и злорадно ухмыляюсь, демонстрируя неприличный жест в пространство. Я всех сделала. Всех сде-ла-ла. И горжусь этим, хотя, наверное, не стоило бы. Я знаю, что там, наверху, никого нет, но этот победный жест дает мне иллюзию диалога. Я смогла, снова смогла – и от этого чувствую вырастающие за спиной крылья.

Мне очень трудно быть мной – меня слишком много, разной, так непохожей одна на другую. Но и выбрать какой-то один образ я уже тоже не могу. Некоторые вещи в жизни происходят как раз из-за вот этого многообразия. Человек видит меня с одной стороны, а потом – бац! – и получите совершенно другое. Очень маленькому числу людей удастся поймать меня внутренне обнаженной, открытой и готовой на все. Я редко демонстрирую эту грань своей натуры – потому что знаю, как бывает больно, когда в распах-

нутую сердцевину вгоняют раскаленную иголку. Причинять себе боль с некоторых пор стало неинтересно, более того – невыносимо. Поэтому я предпочитаю не раскрываться. А попробуй загони иголку в твердый панцирь – ага, не вышло? Ну вот так-то.

Бывают моменты, когда мне очень сложно не «включать мэрика», как называют это те, кто знает меня достаточно близко. Мэрик – это такой зверек, типа маленькой собачки. Он с виду такой весь испуганный, трясущийся и таращащий глаза из-под хозяйской руки, но попробуйте прикоснуться к нему пальцем – и укус с выбросом яда гарантирован, ибо мэрики не выносят, когда их трогают против их желания.

Я – мэрик. Мэрик, искусавший добрую половину своих знакомых. Правда, некоторым из них мой яд слаще любых десертов, но меня это мало волнует. Укушенный перестает меня интересовать, потому что я знаю – все, он уже никогда не будет прежним. Измененные люди меня не забавляют – их просто нет.

Иногда мэрики влюбляются. О, это они делают с силой, выключая мозг и отдаваясь всем существом объекту любви. Хорошо, когда объект понимает и отвечает взаимностью. Если же по какой-то причине этого не происходит... Мэрики сперва забиваются в темный угол, скулят пару дней, стонут илизывают ранки, а потом расправляют спину и выжидают момент. Следующий за этим укус смертелен –

отравленный ядом человек понимает, что вот этого самого мэрика он ждал всю свою жизнь, но поздно. Мэрик, укусив и отомстив, гордо удалился в свою темную норку. И уже ничем его оттуда не выманить, не вымолить прощения, не заставить вернуться.

Иногда мэриков убивают. Нет, не физически, хотя мэрики смертны, как все живое. Самое страшное для мэрика – недоверие и обман. Мэрики могут жить в одиночестве, но когда им не верят, они умирают. Все просто. В любви мэрики не врут, они держат свои обещания, которые не раздают налево и направо, но когда им не верят или обманывают – мэрики ложатся в свою норку, закрывают лапками лицо и медленно, мучительно медленно умирают.

Я – такой мэрик. Вот уже какое-то время я страшно, просто нереально влюблена. Такое нехарактерно для меня – но лучше этого ничего не могу вспомнить за все годы своей жизни. До этого у меня тоже была любовь. Почти любовь. И случилось именно то, от чего умирают маленькие зверьки мэрики. Мне не поверили. Я пыталась оправдаться и рассказать, как было, – но нет, тот человек не пожелал слушать. Я уползла было в норку умирать – но тут появилась моя любовь. Именно она вытащила меня из темного угла, поменяла мне окраску, дала смысл жизни, перетряхнула все в голове и разложила по полочкам, подарив мне новую жизнь и новую цель. Именно из-за этой моей любви я теперь выполняю странную утреннюю процедуру с вызовом к небе-

сам. Потому что я смогла, почти совсем смогла. Осталось чуть-чуть – но и это я преодолею, потому что мало кто знает, насколько мэрики тверды и прочны внутри. Этого нельзя заподозрить по внешности, нельзя понять по взгляду, но стоит только столкнуться интересами – и мэрик вас ломает, растерзает морально и физически, покрывает тело и душу незаживающими ранами.

Я знаю, о чем говорю, – на небольшой веревочке, висящей в самом углу моей норки, полно завязанных узелков. Это – трупы. Да, трупы тех, кого я успела искушать в этой жизни, своего рода иконостас... Всякий раз, завязывая новый узелок, я испытываю легкое злорадство. И только последний дался мне с трудом. Я так и не затянула его до конца, потому что... Потому что... Как только я пойму, что пришло время и уже невозможно ничего изменить, вот тогда я затяну его намертво и попрощаюсь. Пока не могу. У мэриков тоже есть душа, которая болит ночами».

– Максим Дмитриевич, зайдите в послеоперационную палату, там у пациентки давление подскочило, – оторвал его от чтения голос Арины, и Нестеров, вырванный из очаровавшего его мира, недовольно поморщился.

Он убрал блокнот под историю болезни и поспешил в дальний конец коридора, туда, где у поста дежурной медсестры находилась послеоперационная палата.

Мария лежала у окна. Глаза по-прежнему плотно закры-

ты, лицо бледное, бледность еще усиливала повязка и марлевая заклепка на бровях. Давление на самом деле поднялось, Нестеров сам открыл шкафчик и достал пару ампул и шприц.

– Ариша, вы почаще заходите, не нравится мне, что давление такое высокое, – бросил он сестре, и та закивала:

– Конечно, Максим Дмитриевич. Когда от наркоза проснется – вам позвонить?

– Да, обязательно.

Он снова ушел в ординаторскую, сделал запись в истории болезни и взялся за блокнот.

«Я люблю музыку. Не всю, конечно, не всякую – вполне определенную. Бальную – ту, под которую жила и работала с семи лет. От этого у меня по спине бегут мурашки. Я больше не танцую. Но слушать музыку я запретить себе не могу, как запретила прикасаться к валяющимся в шкафу танцевальным туфлям со стоптанными накаблучниками. Моя страсть к танцу стерлась точно так же, как эти кусочки пластика. Есть вещи, которые перерастаешь – и все, уже никакая сила в мире не заставит тебя вновь вернуться к ним. Я больше не танцую. Все. Точка».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.